

## Книга об Одессе — в Венгрии

В конце 2006 года в издательстве "Баба эш Тарша" (г. Сегед) вышла книга доцента местного университета литературоведа-слависта Иштвана Феньвешеш. Мы обратились по Интернету к автору с просьбой познакомить наших читателей с монографией "Нас покорила Одесса. Город в истории венгерской культуры".

— **Такого рода книги о культурных контактах заграницы с Одессой сколь дороги для нас, столь и, к сожалению, нечасты. Иштван, не расскажете ли коротко о ней?**

— Да, насколько мне известно, это первая работа в этом роде. В ней я представил сумму тех сведений, которые накапливались у "среднего венгра" об Одессе в 19-20 вв., собрал основные моменты творческих контактов в сфере науки, литературы и искусства, и через все это пытался выявить главные направления творческой энергии, излучавшейся ее носителями.

Здесь дана, в первую очередь, Одесса глазами венгров. Первые приведенные данные о городе датируются 1805, последние — 2005 гг.

— **В объемистой синей книге 428 страниц. Расскажите о ее структуре.**

— Во введении описаны параллельные моменты развития Будапешта и Одессы в 19-20 вв., специфика социально-культурно-психологической среды в Одессе, факторы, определившие ментальность ее жителей. Главный среди них — это "неизгоняемый дух суверенности" (Л. Зорин), именно он выступает определяющей чертой типа *homo odessicus*.

— **Надо полагать, книга, в основном, обращена в прошлое? Не боялись ли вы, что получится некая "лавка древностей"?**

— При объекте исследования, которому исполнилось всего двести с хвостиком лет, даже вопрос такой вызывает улыбку. Если серьезно — лишь пять глав посвящены 19 веку, все остальное — это наше вчера, век двадцатый. А самая последняя — отчасти вовсе о 21-м.

В первой половине 19 в. там жил венгр, входивший в круг друзей Пушкина. Другой наш соотечественник, будучи в Одессе, перевел "Кавказского пленника". В местном альманахе печатались произведения венгерских классиков. Наш путешественник оставил колоритнейшее описание города 40-х годов. В художественной жизни города участвовали трое венгров. Концерт Ф. Листа 1847 г. — вершина музыкальной хроники тех лет.

Немало одесских следов и в истории венгерской революции 1848-49 гг. Взять хотя бы судьбу рядового Одесского полка, перешедшего на сторону венгров. Нет уже смысла лицемерно игнорировать и факт гибели

Шандора Петефи от пик одесских уланов в битве под Шегешваром 31 июля 1849 года. Дается подробный обзор материалов о восприятии стихов поэта в Одессе в 19 — начале 20 вв.

В отдельной главе собраны материалы об одесских ученых, побывавших в Венгрии. И. Мечников был на будапештском конгрессе по гигиене и демографии в 1894 г., а Д.Л. Рубинштейн — участник всемирного конгресса зоологов в венгерской столице в 1927 г. Минералог Шандор Кох вспоминает о влиянии на него учения А. Ферсмана. Широко известна у нас деятельность офтальмолога академика В.П. Филатова, психолога академика С.Л. Рубинштейна. Четыре ученых-одессита избраны почетными докторами венгерских университетов. Вузы города стали *alma mater* для многих венгерских студентов.

В "зеркальной" по отношению к предыдущей главе приводятся материалы о командировках крупных наших ученых в Одессу (геолога, историка, лингвиста, археолога и др.) в 19 в. Подробно излагается история исследований Кавказа жившим в Одессе три десятилетия Мором Дечи. В 20 веке трое венгров стали почетными докторами ОГУ.

В разнообразном материале конца 19 — начала 20 вв. прослеживается возможность изучения русского языка для деловых контактов с Россией, в т. ч. и в Одессе. Два журналиста — одессит и будапештец — дают зарисовки жизни и быта городов друг друга. Деятельность венгерского дирижера Артура Никиша в России, в частности, в Одессе, а также выступление скрипача Миши Эльмана у нас служат началом нового периода музыкальных контактов. Подробно освещается восприятие в начале 20 в. русских писателей Одессы — А. Куприна и В. Дорошевича, еврейских авторов Л. Кармена, С. Юшкевича, Бялика и Шолом-Алехема.

**— После столь обильного урожая по первому веку связей — чем мог превзойти его следующий?**

— Прежде всего, расширением социального охвата. Оно начинается "потемкинским" годом. Восстание броненосца вызвало в Венгрии острейшую реакцию, причем не только в публицистике (один из лучших журналистов освещал события с места), но и в литературе: стихи наших классиков — Эндре Ади и Йозефа Киша — можно отнести к художественным вершинам освещения темы.

**— Судя по двум главам, вы не уклонились и от изучения выразителей "негативной энергии".**

— В главе "Из реального училища Св. Павла в мировую историю" я прикоснулся к тому, что было неприкасаемым в течение 70 лет: как венг-

ры воспринимали самого известного выходца из Одессы — Льва Троцкого. Здесь использованы свидетельства свыше полусотни писателей, журналистов, общественных деятелей, ученых различных идейных направлений и жанров (1907-2002). Из них вырисовываются не только личные воззрения авторов, как правило, независимые, неподцензурные, но и воспринимаемый с самого начала в его противоречивости характер политика.

Не обойден и уроженец Одессы главный обвинитель на московских процессах и автор книги "Теория судебного доказательства в советском праве" А.Я. Вышинский. Его "практическая деятельность" и разработанная им теория "признание обвиняемых как королева доказательств" (нонсенс для юриста в любой стране мира!) послужили образцом для проведения подобных процессов на основе ложных обвинений и в Венгрии, начиная с 1948 года.

— **В этот общественно-политический круг входят и главы, сухо обозначенные лишь годами, например, 1914-1918?**

— О первой такой уже была речь выше, в связи с Петефи. Таких еще три. В главе о 1914-1918 гг. речь идет о военнопленных (в т. ч. о художнике Л. Мохой-Надь), рассматриваются: солдатская песня "Стоит в одесском порту военный корабль..." (лето 1918 г.), а также "Маленький негодяй" И. Ильфа и "Спящий" В. Катаева — о венгерских оккупантах.

В первом разделе главы о 1941-1945 гг. помещены эпизоды, связанные с обороной Одессы (воспоминания этнических венгров из румынской армии, данные современного венгерского историка о неслыханной по масштабам расправе над евреями после взрыва 22 октября здания румынского командования, отрывок из воспоминаний генерала Ковтуна о майоре Красной Армии венгре Шандоре Петраше — защитнике Одессы и др.).

В раздел "Освободители" включены имена свыше сотни одесситов, участвовавших в боях на территории Венгрии. В качестве их представителей предстают пятеро уроженцев Одессы, от маршала Советского Союза Малиновского до старшего сержанта Лысенко.

В разделе "Венгры ГУЛАГа" публикуется отрывок из книги воспоминаний Яноша Рожаша "Горькая молодость" (предисловие к ней написано его товарищем по Экибастузскому лагерю А.И. Солженицыным) об одесской тюрьме, служившей пересыльной для увозимых на советскую каторгу.

В главе о 1956 г. документально повествуется о двух очень разных одесситах. А в разделе "Искажающее зеркало" рассматривается роман Дм. Сергиевича "Гроза на рассвете" (1973).

— **Однако, как я понимаю, не эти главы определяют основной облик одесского XX века?**

— Совершенно верно, главное внимание и здесь уделяется литературе, искусству и музыке. Например, там, где содержатся материалы о венграх, проживавших или пребывавших в Одессе в период 1920-1940 гг., речь идет об общественном самочувствии писателей-эмигрантов А. Гидаша и Э. Шика, о приездах в город М. Золка, о людях искусства, работавших в Одессе (приехавших, например, на гастроли, как Бела Барток и скрипач Йозеф Сигети, для съемки картин — как кинооператор Миклош Фаркаш). Подробно освещается написанное об Одессе побывавшими здесь для знакомства с городом писателями — Лайошем Надем и Реже Бехтом из Венгрии, Марцеллом Янковичем из Чехословакии и Эрвином Шинко из Югославии, интерес которых ко всему увиденному искренен и непредвзят. Но, как заметил Бабель в свой приезд в Марсель, он там увидел, какой могла бы быть Одесса... А эти наши писатели увидели, какой она стала: "Одесса была великолепным городом в царские времена. Теперь она выглядит потрепанной, заброшенной, производит удручающее впечатление" (из очерков Лайоша Нада 1934 г.).

К этому смысловому блоку, "Одесса в венгерском зеркале", примыкают еще две главы. В одной ("Венгерские писатели о городе") печатаются отрывки 1830-2005 гг. из произведений писателей, не бывавших в Одессе. Это упоминания названия города в определенной связи с сюжетной линией, с ходом мысли авторов. В другой рассматриваются наиболее интересные произведения, написанные после 1945 года на основе личных впечатлений.

Процесс восприятия творчества большой одесской литературной плеяды дан в двух временных планах. В межвоенные десятилетия (1920-1941) доминируют цикл рассказов Бабеля "Конармия" (перевод 1927 г.) и сатирическая диалогия Ильфа и Петрова (1934). С 1929 года переводят рассказы В. Инбер о детях, "Растратчиков" В. Катаева и его же "Время, вперед!" (1935). Они вместе с Олешей и Паустовским выступают и в антологии малой прозы "Современный русский декамерон" (1936). "Квадратура круга" Катаева ставится в 1931 г. в двух городах. Приводятся оценки высокого художественного уровня написанного ими.

В послевоенные полвека, когда значительно расширяется число переводимых их произведений и круг их читателей, одесским автором, более всех затребуемым в Венгрии, оказался Бабель. Его произведения изданы в Венгрии полностью, включая переписку и дневники. Отклики критики на них обнаруживают как широту исследовательских подходов, так и глубину теоретического проникновения.

Багрицкий удостоился перевода двух сборников стихов. Отмечаются его контакты с венгерскими писателями-эмигрантами.

Произведения Ильфа и Петрова разошлись среди читателей в двух десятках изданий, их романы воспринимались как остросовременные. Они зажили и на театральной сцене, и на радио, и на телеэкране.

В творчестве Веры Инбер критика отмечает тихий культурный голос и стремление к естественным формам.

Наряду с Бабелем В. Катаев — самый известный у нас писатель-одесит. Все его произведения переведены на венгерский. Его новая, "мовистская", проза признавалась чрезвычайно созвучной современной венгерской. Чрезвычайно популярен он и в театре. В "Квадратуре круга", не сходящей со сцены вот уже свыше 70 лет, зритель сменяющих друг друга общественных режимов продолжает находить вечно человеческое.

Широко известен в стране Паустовский, все его главные произведения переведены. Некоторые выдержали ряд изданий. Наиболее живой отклик вызвали книги его воспоминаний.

В главе отмечена известность в стране произведений М. Алигер, Б. Житкова, Ю. Либединского, Л. Славина и К. Чуковского.

— **Заинтересовали ли венгров одесситы — представители других видов искусства?**

— Хоть совсем не много, но есть в венгерских собраниях и произведения одесских художников, это в 18 главе: рисунок мелом жившей во Франции художницы Сони Делоне (до замужества — Терк) в Будапештском музее изобразительных искусств, два горельефа работы Н.В. Блажкова (Л. Заменгоф и эсперантист Василий Ерошенко), хранящиеся в сегедской библиотеке им. Шомод, и не в последнюю очередь — два десятка офортов Давида Беккера в коллекции автора книги.

А главное, разве возможно забыть о великих музыкантах-исполнителях из Одессы, из школы "папы Столярского"? Второй, главный раздел главы посвящен триумфальным выступлениям Э. Гигельса, Д. Ойстраха и С. Рихтера в течение полувека, с 1947 по 1995 гг. Поскольку многообразные отзывы музыкальной критики о творчестве этих гениев исполнительского искусства невозможно передать в виде сжатых до максимума фраз жанра резюме, приводим названия посвященных им разделов и подразделов. Они состоят, как правило, из наиболее выразительных цитат об их выступлениях.

Виртуоз Гигельс. "Премьера: высшая школа игры на фортепиано". "Решающая межа". "Концерт-прощание".

Царь Давид. "Штурм билетных касс ради звука скрипки". "Паганини наших дней". "Дирижер хотел только музыки, ничего иного". "Лебединая песнь". "Ваш народ столь музыкален..."

Мы все выросли на Рихтере. "Начало". "Легенды, или К нам поселился Олимп". "Только внешность?" "Лист нашего времени". "По правде говоря, о нем невозможно писать". "Среди венгров". "Его сила заключалась в свободе".

— **А почти уже полувекковые связи городов-побратимов Одессы и Сегеда (многие одесситы помнят острый вкус сегедской ухи — халасле) — нашли ли место в книге?**

— А как же без этого? Десятки тысяч людей ездили друг к другу. У нас пили токайское. У вас купались в море... В 19 главе делаю попытку объективно подытожить эти связи, по сферам общественно-социальной жизни, уделяя особое внимание приобретенному конкретному опыту в отдельных сферах.

Наиболее долговечные результаты дали контакты между высшими учебными заведениями. В систему подготовки специалистов органически вошел регулярный обмен студентами ряда специальностей (историков, географов, медиков, пищевиков и др.). Подлинное творческое сотрудничество установилось между многими учеными на самых различных кафедрах сегедских и одесских вузов.

В вышедшей в 1984 г. совместной антологии "Веселка над берегами", в одесском издании 9 украинских и 6 русских поэтов печатались каждый на родном языке, а 11 сегедских — на украинском; в сегедском же, естественно, — все на венгерском.

Одесса оценила мастерство оперных певцов Сегеда. Искусство же певцов с берегов Черного моря и мастеров одесского балета, начиная с 1975 г., предстало во всей полноте не только перед зрителями сегедского оперного театра, но и Сегедских летних игр 1986 года. Ряду их спектаклей в том же году от души аплодировали также и зрители венгерской столицы.

— **В 80-е годы вы бывали в Одессе, и делились с земляками увиденным. Вошли ли в книгу эти заметки?**

— Я включил в последнюю главу все три путевых очерка, они, оказывается, не устарели. А вот с тех пор, увы, не довелось побывать на Дерibasовской. Как-то все же хотелось закруглить их. Соорудил этакий "виртуальный" репортаж, в основном, по уже доступному, к счастью, Интернету.

— **Спасибо за интервью.**

— Это вам и читателям спасибо — за терпение. Авторы же все одинаковы, им все важно.